

Моим голосом по телефону отказывал во встрече,
упражняясь в наращивании фигуры речи.

Третий был тщеславен и горд.
С пеной в устах захлебывался рифмою,
окунувшись в струю, всколыхнувшую в харизматическом море
девятый вал за бугор.
Снискал мне известность в эстетских кругах на воде.
Лез в бутылку черт знает с кем и где,
и в оной однажды нарвавшись на SOS,
яко Ксанф, превратившись в насос, взасос
высосал, мальчик, из пальчика море сие, что теперь по колено...
А сам опустился на дно, но тут заступила смена.

Четвертый, вобрав в себя предшествующий опыт,
подкован во всем и зане на коне, не врубаясь уже
в жалобы снизу на ржанье над ними и топот,
бьет копытом посуду сердец, разливая желчь.
Хлещет, как лошадь, виски с яблочным в масть сиропом.
Познает бытие галопом по кап. Европам.
Пашет на ниве искусства, что ломовой,
в целях издания книги - очередной, домовый...

Может, тем самым нарушив какое табу,
скажу, что последнего видала в гробу,
где он ворочался вследствие кривотолков
да дифирамбов литературных потомков.
А нет, чтобы просто дом содержать в порядке,
да, таская ножи, с жильцами резаться в прятки.
А то я даже не знаю, от чьей, миль пардон, руки
писаны эти стихи...

САЛОН МОД

Отныне из обуви в моде - следы.
Из одежды - тени.
Макияж ваши точки с крючочками и запятой посреди,
преобразуя, разует, либо, разоблачая, разденет.
Так зажигательно пустить по струйке дымка
по уголкам ноздреватых бойниц,
вместо помады - красного петуха
с бархатной копотью по гребешку ресниц.
Очень практичен хайр а ля хари-кришна
при минимуме того, с чего бы съехала крыша.
При максимуме: терновый венец, насаждаемый на прямой пробор -
это одновременно и эффективный массаж и эффектный головной
убор.
Престижно смотрится золотая жилка на шейке,
плавно впадающей в плечи, облаченные в шейпинг.
Из верхней летней одежды рекомендован жилет
мини-кабриолета, последняя модель жигулей
незаменима зимой. Сложнее с выбором спектра:
серый, скажем, подчеркивает уровень интеллекта,
зеленый укажет на искушенность в кире,
хаки же идеально подходит для харакири.
Достоинства ножек помогут вам вскрыть лосины
проще, нежели консервный нож баночку лососины.
Стопу довершит сапожок испанский в стиле "бесы
мя мучат" с язвительной шпилькой под хилой пятой Ахиллеса.
Новое время диктует вериги такого фасона,
чтобы приковывать намертво взоры. И под конец, на бис
новинка осеннего мертвого межсезона -
дробью простроченной шубки последний писк.

* * *

Так, на теле экрана, настроившись на канал
новой космической связи с частотою не более
двух мега-сердец, мы занимались любовью
в эйфории эфира, на ультракоротких волнах.

Нас возбуждали взлеты куриных окорочков.
Нас стимулировал "Стиморол" вкупе с Мадонной-Манделой.
Кармой харей и чартером чертей нас услаждал Кич Кок,
Дума с ее домовым тоже годилась в дело.

Мы занимались любовью под факс и под модем.
Наши уста неотступным "горько" бальзамировал "Биттнер".
Мы занимались любовью под акции МММ,
которые, как заверяют, абсолютно либидны.

Мы занимались любовью под Секам и под Пал,
свежестью Ригли-сперминт запивали за здравие.
Нас не сбивала с курса новость: Вот педик припал".
Не возбранял Анкл Бенс, что самых честных правил.

Мы занимались любовью под то, что вокруг жуют,
что выбирает перси новое поколение,
доподлинно памятуя, что для мужчины жилет -
лучшее, к чему приложил куку-руку великий Ленин.

Даже матушка, в пост, до первой звездочки нинзя,
пока опрощались толстовки-Марии, взводили плотины хопры,
пока биржевые круги втирали контактные линзы,
мы занимались любовью. И эту вселенскую прыть

не подавить вагонами вил-с, не казнить импотечной казной.
Не потопить в новом Стиксе, смывающем самые трупные пятна...
Ибо мы занимались любовью к тебе, в поколении пятом
светлый и плоский экран, разлагаясь на дне глазном
на прокорм электрическим скатам.

* * *

Змею-Горынычу Господь подарил
три головы, как-то: веру, надежду, любовь, и к ним
огромное небо одно на троих,
взлетно-посадочные огни
полночных светил, и горних ангелов рой
над каждой его фюзеляжной дырой.

Веру, надежду, любовь, и любовь из них больше,
моложе, Онегин, и лучше была. И, о Боже,
ежели змей вдруг терял эту голову, то сильнее саднил
осиротевший вулкан, чье соитие с одним
лишь огромным небом кровосмесительною рекой
змеилось из вечного боя в что нам только снится покой.

Но в том-то и фенечка Феникса: с каждой весною
сия голова отрастала с силою новой.
Змей говорил: Я горилка, я горный орел, мой огонь
есть отрыжка печенью Прометея.
Пламенной лавою, лавою-мамою Агни-Ягой.
Я помесь гремуче-дремучая, мама моя, памятую,
согрешила со снежным папа, восхотев его заднею всекостяною
ногой.

А в гареме моем на горе, говорил, три жены, три желны.
Три стукачки, три шапочки красных и трижды больших
волчьей пастью, при коей не зарастает
огромное небо одно на троих.
С небес они сводят с ума меня, натравив
летучих легавых с лаем столикую стаю.
И травят, и бьют по мозгам, как в нюрнбергской пивной,
где и одна голова хороша уже - совладать бы с одной,
когда все вокруг начинает троиться:
свастики лапок, имперские курицы-птицы,
среди нахлебавшихся тварей бармен, иже непотопляемый Ной.

Змей говорил: У меня три сына, три проросших зерна.
Первый Икс, перекресток кровей, пересменок меж прошлым и
настоящим,
перечеркнутый жизнью семит, Сизиф, за дальнейших за нас
знак сего отверженья ко мне на гору влачащий.

Номер два - это Игрек, игрок, он же Игорь, нордический князь,
варвар-варяг, хам грядущий на кущи из чащи.
Третий Зет, он же зек, дзен-буддист, йогсель-маг, спецэффект,
ничего в этом свете его не яфет,
хладнокровный крупье, самый долгоиграющий в ящик.

Змей говорил, и каждое слово голодного ящера
метило в яблочко, в силу всемирного тяготенья
к первородству греха обреченного на паденье
недалече от яблоньки, где ему и покоиться...
снедаемому эдиповым агрокомплексом.
Но вкусивши плода, Змей схватился за горлышко, выпал в осадок,
позеленел, и глаза, стекленея, впились в отраженную
небыль,
где сквозь дырявые своды Эдемского сада
одно на троих разливалось огромное небо.